

Ю. Ю. Крылов

КХМЕРСКИЙ «ВОКАЛИЧЕСКИЙ» ИНФИКС

В современном кхмерском языке разные авторы выделяют от пяти до полутора десятков консонантных инфиксов (большая их часть уже не продуктивна) и один вокалический (точнее было бы называть его «гласносогласным»). Он заслуживает специального рассмотрения, так как, во-первых, по сравнению с другими инфиксами он представляет большой интерес с точки зрения морфонологии, во-вторых, среди специалистов имеются существенные разногласия даже по поводу самого статуса этого элемента.

Но прежде всего, следует сказать о том, что собой представляет этот инфикс и почему он назван «вокалическим». Речь идет об инфиксе *-ɔm-* (в первом «регистре») / *-um-* (во втором). Мы предпочли использовать термин «вокалический инфикс» по аналогии с монским языком. Поскольку этот инфикс, кроме гласного, содержит и носовой согласный, такое наименование является, конечно же, условным. Тем не менее, оно предпочтительнее, чем «слоговой инфикс»¹, так как он не имеет инициали и, следовательно, сам по себе не образует слога. Однако при его применении из односложного слова (ОС) регулярно образуется полуторасложное (ПС), то есть сочетание слабого слога (пресиллаба) с сильным (основным). Его основная морфологическая функция — образование имен от предикативов — глаголов и прилагательных, однако нас он будет интересовать преимущественно в фонологическом и морфонологическом аспектах.

В зависимости от «регистра» тембр гласного инфикса варьирует между заднерядным неогубленным низким подъемом (*ɔ*) и заднерядным огубленным высоким подъемом (*u*), причем в разговорном языке оба варианта редуцируются до «шва». Завершением в обоих случаях преимущественно является лабиальный носовой. Об отступлениях от этого правила будет сказано ниже.

При образовании производных слов от ОС с двухместными инициалами инфикс помещается между первым и вторым элементами начальнослогового кластера: *kho:* с «испорченный» + *-ɔm-* → *k-ɔm-ho:* с «испорченность», *thɔm* «большой» + *-um-* → *t-um-hum* «величина». Механизм инфиксации одинаков для всех ОС структуры *CCV* (*C*). Следует, однако, оговорить, что для того, чтобы инфиксация была возможной, начальнослоговой кластер исходного ОС не должен содержать сегмента [m] ни на первом ни на втором месте (например, категорически невозможна вокалическая инфиксация для таких ОС, как *mɔɔp* «кисло-сладкий» или *kmaw* «черный»).

Реально имеются примеры вокалической инфиксации для половины существующих в языке кластеров (а если исключить *m*-содержащие, то для 63 %), однако собственно фонологических системных ограничений на данный вид инфиксации, кроме отмеченного, по-видимому, не существует. Вероятно, имеются семантические ограничения — например, для слов, не являющихся предикативами, — но такие ограничения имеют частный характер². В целом же можно отметить случайность отсутствия примеров инфиксации для ОС со многими кластерами. Отсутствие конкретных примеров инфиксации для ОС на *cd-* при наличии примеров на *kd-*, *pd-*, *sd-* или отсутствие примеров на *sk-*

и tɲ- в одном из «регистров» при наличии в другом свидетельствуют именно об этом. Кроме того, ОС с некоторыми кластерами (например, sj-, lj-) вообще крайне редки и находятся на периферии языка, поэтому весьма сомнительно, чтобы когда-нибудь возникла потребность в образовании от них новых слов.

Вокалический инфикс может употребляться и со словами с простой инициальной. В этом случае требуется эпентеза -n-, которая используется для предотвращения ресиллабации. Реально она берет на себя функцию инициали основного слога ПС, поскольку инициаль исходного ОС в результате вокалической инфикации становится инициальной пресиллаба: CV (C) + инфикс → C + инфикс + n + V (C). Например: dɛɲ «знать» → d-ɔm-nɛɲ «сведения», tɲɪ «покупать» → t-um-nɲɪ «покупка» и т. п. Начальным согласным исходного ОС могут быть p, b, t, d, c, k,ʔ, s, при этом инициали b, d,ʔ, s имеются только в первом «регистре» (R1).

По форме такие ПС могут быть подобны ПС, образованным от ОС типа CCV (C), в которых второй элемент инициали представлен дентальным носовым: spa:m «след» → s-ɔm-na:m «отпечаток», speaɪ «побеждать» → c-um-peaɪ «победа». Здесь -n- является не эпентезой, а этимологическим элементом.

С другой стороны, по форме ПС инфикального происхождения (C + *инф.* + CV (C)) могут быть вполне аналогичны ПС, образованным путем префиксации (*преф.* + CV (C)). Ср. bɔp-daə «сопровождать (префиксальное образование от daə «идти»)» и b-ɔp-dam «рекомендация» (инфикальное образование от pɔdam «наставлять»). В отдельных случаях именно фонемный состав пресиллаба указывает на способ аффиксации. Например, терминаль пресиллаба в слове b-ɔm-ɣaə «слуга» указывает на наличие инфикса, в то время как в слове bɔɲ-ɣiəp «обучать» — на наличие префикса. Впрочем, следует уточнить, что такая дифференциация имеет место крайне редко.

Взгляды специалистов на природу -n- (и на рассматриваемый инфикс в целом) существенно разнятся. Например, Т. Г. Погибенко возражает против трактовки -n- как эпентезы, полагая, что эпентезой (аугментом) в подобных случаях является губной, а действительным инфиксом — -n-: «То, что после опрощения исконного дентального инфикса инфиксом становится губной носовой или плавный аугмент, сомнения не вызывает, однако трактовка исконного инфикса в тех словах, где он сохранился, как аугмента — вызывает возражение»³. При этом Т. Г. Погибенко ссылается на обширный материал из различных мон-кхмерских языков, для которых такой подход, возможно, вполне оправдан.

Эта точка зрения совпадает с мнением Ю. А. Горгониева, который рассматривал инфикс -ɔmp-/um- как «усиление гласным и носовым согласным» инфикса -n-. «Усиленная аффиксация», по его мнению, явилась «более прогрессивной формой словообразования в кхмерском языке» по сравнению с древней консонантной аффиксацией⁴. Впрочем, далее уже говорится об инфиксе ɔmp- без напоминаний о его составном характере⁵.

Дж. Джейкоб инфиксом считает комплекс -mp-, не аргументируя этой точки зрения (в тех случаях, когда сегмент -n- отсутствует, то есть при инфикации ОС с кластерной инициальной, мы, согласно данной концепции, имеем дело с инфиксом -m-. При этом не различаются консонантный инфикс -m- и вокалический -ɔm-: so:m «просить» → s-m-o:m «попрошайка», sɔɛj «говорить» → sɔ-m-dɛj «речь»)⁶.

Лонг Сеам рассматривает инфиксы -ɔm- и -ɔmp- как «варианты одного и того же инфикса»⁷. Называя их «сложными», он никак не квалифицирует консонантные сегменты, отмечая лишь, что эти инфиксы образованы «соединением гласных а или о (то есть ɔ или ɔ) с согласными»⁸.

Ф. Дженнер и С. Пу говорят об этих вариантах как об алломорфах, употребление которых зависит от структуры исходной основы⁹. Ни одной из форм приоритета не отдается.

Ф. Хаффман также говорит об этих инфиксах, как о вариантах инфикса /-Vm (n)/: «/-Vm-/ встречается в основах с начальнослоговой последовательностью согласных, а /-Vmnp-/ — в основах с одиночным начальным согласным»¹⁰. Обратим, однако, внимание на то, что в качестве основного варианта этого инфикса приводится формула /-Vm-/, то есть -ɔm-/-um-, в то время как форма с -n- предусматривается для особых случаев. При этом же мнении Ф. Хаффмана остается и в дальнейшем, уточняя лишь, что сегмент -n- «обеспечивает инициальную вторую слог производного слова»¹¹. Далее следуют только примеры, какая-либо аргументация отсутствует.

Аргументы приводит Д. И. Еловков, чья позиция по существу аналогична позиции Ф. Хаффмана и отличается от всех прочих: «Если неполный слог образован путем вставки инфикса в корень вида СГС... между инфиксом и гласным корня появляется согласный, который необходим для сохранения силлабации... Этот согласный можно назвать дополнительным»¹². Здесь сегмент -n- впервые явным образом выведен за пределы инфикса. Д. И. Еловков рассматривает появление дополнительного согласного как «явление морфонологического характера»¹³.

Таким образом, мы имеем, по меньшей мере, четыре точки зрения на рассматриваемый инфикс, иногда взаимоисключающих, как (1) и (4):

1. Инфиксом является сегмент -n-, усиленный аугментом (Ю. А. Горгониев, Т. Г. Погибенко).

2. Существует два разных инфикса — -mnp- и -m- (Дж. Джейкоб).

3. Существует два равноправных алломорфа (варианта) одного инфикса -ɔmnp- / -ɔm- (Лонг Сеам, Ф. Дженнер, С. Пу).

4. Инфиксом является сегмент -ɔm-/-um-, а -n- представляет собой эпентезу (Ф. Хаффман, Д. И. Еловков).

Существует ли какая-либо синхроническая аргументация в пользу сегмента -n- как инфикса? Приходится признать, что нет достаточно убедительных аргументов. Ю. А. Горгониев, рассматривавший инфикс -ɔmnp- / -umnp- как усиленный вариант инфикса -n-, полагал, что «в отличие от одногласных инфиксов -m- и -n- инфикс -ɔmnp- допустим не только при одногласных инициалах, но и при начальнослоговых группах из двух согласных», только в этом случае он выступает «в редуцированном виде без последнего носового... Указанная редукция потребовалась потому, что инфикс -ɔmnp- вводится не после стечения согласных (в этом случае нужды в редукции не было бы, так как комплекс -ɔmnp-¹⁴ оказался бы между двумя гласными и новых сочетаний согласных не образовалось), а между начальными согласными»¹⁵.

Итак, мы имеем ситуацию, когда собственно инфикс редуцируется, а его функцию выполняет аугмент, то есть эпентеза. При этом редукция наступает автоматически, как только инфикс -ɔmnp- оказывается между двумя согласными.

Если бы речь шла об исторической фонологии, мы могли бы признать, что произошло «опрошение исконного дентального инфикса», однако речь идет об автоматическом процессе в синхронии. В связи с этим версию о редукции инфикса следует признать неубедительной. Речь, скорее, идет об его аугментации в тех случаях, когда он оказывается между простой инициальной и финальной, то есть непосредственно перед гласным. Это именно тот случай, «когда появление “добавочной” фонемы явно объясняется процессами наподобие обязательного устранения хиатуса»¹⁶.

Рассмотрим еще одну версию — гипотетическую.

Существует концепция, согласно которой ОС типа CV (C) являются первичными основами (primary wordbases), ОС типа CCV (C) — вторичными (secondary wordbases), иначе именуемыми «субдиссиллабами» (subdissyllables), «в которых предполагается наличие неслогового аффикса — даже если некоторые явно собственно кхмерские слова такой формы не поддаются анализу». От них образуются соответственно первичные и вторичные производные, в принципе, пригодные к дальнейшей деривации. При отсутствии реальной промежуточной основы она реконструируется. Таким образом, ступенчатая деривация признается нормой¹⁷.

Рассматривая в качестве инфикса сегмент -n-, мы можем представить себе следующую схему ступенчатой деривации: CV (C) → C-n-V (C) → C-dm-n-V (C). Здесь показан процесс первичной инфиксации с образованием «субдиссиллаба» и процесс усиления инфикса с образованием «вторичного производного» — ПС.

Почему мы говорим в данном случае о гипотетической версии, ведь существуют, как будто, реальные примеры подобного словообразования: baek «делить» → p-n-aek «отдел» → b-dm-naek «часть»? Прежде всего, потому, что сами авторы данной концепции не рассматривают инфикс -dmn- / -dm- как производный от -n- и, следовательно, видят в данном случае два самостоятельных процесса: baek → pnaek, baek → b-dm-naek. Во-вторых, с точки зрения семантики «промежуточная» стадия кажется избыточной, а часто даже вызывает недоумение (ср. kaət «рождаться» → k-n-aət «период прибывающей (= нарождающейся) луны» * → k-dm-n-aət «рождение», sɔɔp «ступень» → c-n-ɔɔp «стремя, педаль» * → c-um-n-ɔɔp «эпоха, стадия»). Хотя в обоих случаях определенная семантическая связь между «первичными» и «вторичными» производными, безусловно, присутствует, более естественной представляется деривация «вторичных производных» непосредственно от исходной основы, тем более что существующие механизмы словообразования позволяют вывести форму b-dm-naek непосредственно из baek.

Кстати, эпентеза -n- регулярно появляется при вокалической инфиксации ОС со структурой CV (C), а вот инфикс -n- во многих таких случаях недопустим: ?a:c «мочь» → *?-n-a:c → ?-dm-n-a:c «власть», ? aoj «дарить» → *?-n-a-aoj → ?-dm-n-a-aoj «подарок» (ср. ksaɔj «слабый» → k-dm-saɔj «слабость», где никакого -n- не требуется).

Таким образом, вполне естественно трактовать сегмент -n- именно как эпентезу, а не инфикс. По крайней мере, с точки зрения синхронии это единственно приемлемое решение, каковы бы ни были диахронические аргументы в пользу иного подхода.

Рассмотрим фонологические процессы, сопровождающие вокалическую инфиксацию, иначе говоря — морфонологию. Здесь можно отметить три фактора: озвончение, регрессивную ассимиляцию и аугментацию (вставку эпентезы).

1. *Озвончение* начального элемента кластера — регулярное явление при вокалической инфиксации, если инициаль принадлежит первой серии и имеет звонкий коррелят. В кхмерском, как и в монском, имеется только две пары согласных, различающихся по признаку глухости / звонкости — p/b и t/d. «Когда наряду с глухим согласным в кхмерском языке имеется соответствующий звонкий согласный, глухие начальные консонантных групп при гласных первой серии с введением инфикса озвончаются»¹⁸.

Интересно отметить, что озвончение инициали происходит независимо от того, является ли инициаль исходного ОС простой или сложной. Ср. pah «латать» → b-dm-pah «заплата», taɛŋ «назначать» → d-dm-naɛŋ «должность», plah «менять» → b-dm-lah «смена», trɔw «должен» → d-dm-rɔw «требовать».

По общему правилу озвончение не распространяется на ПС системы второго «регистра». Однако имеются ПС особого рода, в которых основной слог относится к R2, а пресиллаб — к R1. Такие случаи объясняются тем, что если в исходных ОС R2 с кластерными инициалями оба элемента — глухие смычные, то первый из них принято обозначать согласным первой серии. Соответственно, при инфиксации первый согласный подвергается озвончению: tɾək «зацеплять багром» → d-ɔm-ɾək «багор», tkiər «брать щипцами» → d-ɔŋ-kieər «щипцы», ptiə «распиливать на доски» → b-ɔn-tiə «планка», pɬɔl «непосредственный» → b-ɔn-tɔl «очевидец».

2. Конечный носовой инфикса может быть подвержен *регрессивной ассимиляции* по месту образования со стороны последующего согласного и «может реализоваться в виде любого носового сонанта из возможных четырех»¹⁹. По неизвестной причине в одних случаях ассимиляция происходит, а в других — нет. В связи с этим иногда говорят об ассимилируемых и неассимилируемых (invariable) инфиксах²⁰.

О том, что терминаль пресиллаба -m, которая «может появляться перед любой инициалью», не всегда ассимилируется, говорится как об исключении из общего правила²¹. Между тем, если рассматривать процессы ассимиляции терминалей пресиллабов с вокалическим инфиксом вне связи с ассимиляцией терминалей каузативного префикса bɔN-, обнаружится, что исключением является именно ассимиляция, а не ее отсутствие: на долю ПС с ассимилированными терминалями, включая и формы на -ɔm/-um перед лабиальными инициалями основных слогов, приходится всего лишь чуть более 1/5 ПС рассматриваемой структуры.

Анализ ПС с инфиксами обоих типов показал, что состав первых элементов кластеров исходных ОС примерно одинаков — следовательно, не они определяют характер инфикса. В то же время имеется ряд совпадений и вторых элементов кластеров, которые, напомним, при инфиксации становятся инициалями основных слогов ПС и, следовательно, именно они могут оказывать ассимилирующее воздействие на завершающие сегменты инфиксов. Но в одних случаях оказывают, а в других — нет.

В R1 равно вероятно использование алломорфов:

- -ɔm- и -ɔp- при втором дентальном элементе (d, l, s);
- -ɔm- и -ɔŋ- при втором палатальном элементе (ç, ɲ);
- -ɔm- и -ɔŋ- при втором глоттальном или велярном элементе (? , h, k), а также ɾ.

В R2 равно вероятно использование алломорфов:

- -um- и -ɛp- при втором дентальном элементе (t, l);
- -um- и -ɛŋ- при втором велярном элементе (k), а также v;

Чтобы установить тождество или различие ассимилируемого и неассимилируемого инфикса, произведен анализ пар, имеющих потенциальные дублиеты. Он показал следующее.

Отдельные примеры дублиетов представляют собой свободно чередующиеся формы: t-um-vɥ: ~ t-ɛŋ-vɥ: «поступок», s-ɔm-tuh ~ s-ɔn-tuh «рывок», s-ɔm-tu: ŋ ~ s-ɔn-tu:ŋ «посадка рисовой рассады», t-um-lɔɔp - t-ɛp-lɔɔp «обычай».

Большинство примеров показывает, что употребление той или иной формы инфикса не обусловлено фонологическими закономерностями. Во многих случаях речь идет о практически идентичном фонологическом контексте. Ср. k-ɔm-daw «тепло» — k-ɔn-dap «горсть», s-ɔm-daw «направлять» — s-ɔn-dap «порядок», ç-ɔm-lak

«изваяние» — с-ɒn-loh «факел», k-ɒm-lac «боязнь» — k-ɒn-lah «половина», s-ɒm-lɔŋ «всматриваться» — s-ɒn-lɔk «лист (бумаги)», k-ɒm-ca:j «рассыпать» — k-ɒŋ-cɒp «пакет», с-ɒm-ʔaət «сытость» — с-ɒŋ-ʔaə «гриль», с-ɒm-hot «точность» — с-ɒŋ-ha:n «пища (монаха)», k-ɒm-hɔŋ «злость» — k-ɒŋ-hae «сезон», с-ɒm-kuət «безумие» — с-ɒŋ-ko:t «руль», с-ɒm-ɠɒh «фильтрование» — с-ɒŋ-ɠɒp «багор» и т. п.

Остается предположить, что разница в форме инфиксов — грамматическая, и что в таком случае эти инфиксы выполняют разные функции. Основные функции вокалического инфикса — номинализация и транзитивизация. «Редуцированные варианты именного инфикса -ɒm- омонимичны глагольному инфиксу -ɒm- (-ум-)²². «Предикативы, содержащие в качестве инициала консонантную группу, образуют транзитивно-каузативный залог с помощью инфикса -ɒm- (при гласных первой серии) // -ум- (при гласных второй серии)²³.

Однако даже беглый анализ показывает, что эти две грамматические функции не соотносятся с делением аффиксов на ассимилируемые и неассимилируемые. Ср.: s-ɒm-lo:t «смирение» — s-ɒm-lap «убивать», t-um-lɔɒp «обычай» — t-um-lɛak «сбрасывать», s-ɒp-dap «порядок» — s-ɒn-do:k «вытягивать».

Нет ничего удивительного в том, что один и тот же аффикс в разных случаях выполняет разные функции: кхмерские аффиксы практически все полифункциональны. Поэтому нет необходимости говорить о двух разных, омонимичных инфиксах. В данном случае важно отметить, что грамматическая функция аффикса не связана с определенной фонологической формой. Таким образом, остается только в очередной раз отметить непоследовательность кхмерской грамматики и отсутствие строгих правил словообразования.

Поскольку ассимилированные формы обычно являются исторически более поздними, можно сделать предположение о не до конца завершенной ассимиляции. Но так как примеры ПС с ассимилируемыми инфиксами немногочисленны, а часто — буквально единичны, точнее было бы сказать, что ассимиляция вокалического инфикса (в отличие от ассимиляции конечного носового в каузативном префиксе) свидетельствует лишь о зародившейся тенденции. Будет ли она развиваться дальше или застынет в нынешнем состоянии, может показать только время.

3. К морфонологии, безусловно, относится и явление *эпентезы*. Об эпентетическом -п- уже много было сказано в предыдущей части статьи, поэтому нет необходимости говорить о ней снова. Вместо этого рассмотрим особый случай вокалической эпентезы, хотя она имеет только косвенное отношение к вокалической инфиксации.

В современном кхмерском языке не существует кластеров типа «г + С». Сегмент -г- может быть только простой инициальной или занимать вторую позицию в сложной. Тем не менее, имеются примеры ПС, после вычленения из которых вокалического инфикса образуются гипотетические ОС с кластерными инициалами *rʔ-, *rd-, *rh-, *rc-, *rl-, *rŋ- и т. п. (реально же — с вокалической эпентезой [ɔ] между консонантными элементами). Для того чтобы объяснить возможность инфиксации, которая действительно имеет место (r-um-sa:j «распускать», r-um-liəj «растворять, плавить»), приходится исходные ПС типа [rɔ-sa:j] «отпускать», [rɔ-liəj] «плавиться» представлять, как фонологические ОС */rsa:j/ и */rliəj/. Ю. А. Горгониев в свое время был этим озадачен: «Слова, имеющие слабый слог, вводимый согласным p (то есть г. — Ю. К.), ведут себя как однослоги со сложной инициальной. Инфикс -ум- в таких случаях занимает место промежуточного гласного слабого слога... Таким образом, здесь -ум-... является то инфиксом, в обычном понимании (то есть занимает позицию между компонентами корня), то «инфиксом», занимающим позицию

между префиксом и корнем... Очевидно, термин «инфикс» и здесь вполне приемлем, хотя в строго терминологическом смысле это особый внутренний префикс»²⁴.

В действительности, такая ситуация обычна для кхмерского языка: как только консонантный аффикс становится частью начальнослогового кластера, его морфологический статус перестает быть релевантным для дальнейшей деривации. Ср. *ruət* «натягивать узду» → *t-ruət* «контролировать» → *d-ɔm-ruət* «полиция»; *kat* «резать» → *s-kat* «отрезать» → *s-ɔŋ-kat* «район города» и т. п. Это утверждение справедливо, по крайней мере, для тех случаев, когда консонантный аффикс непродуктивен и уже не ощущается как реальный словообразовательный элемент.

Необычно здесь только то, что инфикация осуществляется на ПС.

В заключение обратим внимание на некоторые частные случаи инфикации.

В литературе можно встретить упоминания о консонантных эпентезах *-h-*, *-ŋ-*, *-l-*. В качестве примеров приводятся слова *k-ɔm-h-oh* «ошибка» (от *khoh* «неправильный»), *s-um-ŋ-ɯ:* «болезнь» (от *chɯ:* «болеть»), *s-ɔp-l-ɔh* «пробел» (от *sɔh* «протыкать»), *k-ɔr-l-ɔp* «изогнутый» (от *khɔp* «впалый, вогнутый») ²⁵.

Прежде всего, следует категорически возразить против трактовки фарингального спиранта в *k-ɔm-h-oh* как «дополнительного согласного». Есть ли какие-либо основания считать его дополнительным, если он уже присутствует в исходном ОС *khoh*? Ср. также *khɛŋ* «злиться» → *k-ɔm-hɛŋ* «злость», *khɔɔt* «запрещать» → *k-um-hɔɔt* «запрет» и т. п., которые образованы в точности по тем же правилам, что и ПС, образованные от ОС с любыми другими кластерными инициалами: *kpuh* «высокий» → *k-ɔm-puh* «высота», *krah* «толстый» → *k-ɔm-rah* «толщина».

Случай *s-um-ŋɯ:* «болезнь» — действительно уникальный и необъяснимый (по правилам словообразования это слово должно было бы иметь форму **s-um-hɯ:* или **s-ɛŋ-hɯ:*), но, поскольку другие примеры с «дополнительным согласным» *-ŋ-* отсутствуют, следует предположить несохранившуюся в современном языке промежуточную форму **s-ŋ-ɯ:*, где *-ŋ-* консонантный инфикс: ср. *saɔj* «есть (корол.)» → *s-ŋ-ɔj* «пища (корол.)».

Слово *s-ɔp-l-ɔh* «пробел», вероятно, также надо возводить к несохранившемуся *clɔh (ср. *clɔh* «освещать» → *s-ɔp-lɔh* «факел»). К тому же семантическая связь между *s-ɔp-l-ɔh* «пробел» и *sɔh* «протыкать» не вполне очевидна.

И, наконец, случай *k-ɔr-l-ɔp* «изогнутый», скорее всего, не имеет другого отношения к *khɔp*, кроме совпадения финалей. Здесь мы имеем дело либо с префиксацией (*lɔp → *kɔr-lɔp*), либо с *г*-инфиксацией (*klɔp → *k-ɔr-lɔp*). Однако ни в том, ни в другом случае исходной основой для *kɔrlɔp* не могло бы послужить ОС *khɔp*: сегмент *h* должен был бы сохраниться, и в результате мы получили бы либо *kɔr-khɔp, либо *k-ɔr-hɔp. Ср. *khɔ:ŋ* «впалый» → *k-ɔr-hɔ:ŋ* «впадина»; ср. также *clɔ:k* «смешанный» → *s-ɔr-lɔ:k* «смешивать», где *l* — структурный элемент инициала исходного ОС, а не эпентеза. Таким образом, сегмент *l* в нашем примере определенно является не «дополнительным согласным», а инициалью корня, хотя и неизвестно, какого именно.

Итак, все приведенные примеры с «дополнительными согласными» *-ŋ-* и *-l-* — маргинальны и не располагают к далеко идущим выводам. Тем более они не дают оснований постулировать какие-либо другие консонантные эпентезы, кроме *-п-*.

До последнего времени считалось, что инфикация — чуть ли не специфически мон-кхмерское явление (если иметь в виду только языки Китая и материковой ЮВА). Но, как выясняется, нечто подобное кхмерской «вокалической» инфикации имеется даже

в китайском — «эталонном» слоговом языке! Следовательно, и для него понятие ПС и пресиллаба оказывается актуальным, хотя и в значительно меньшей степени. Так, в диалекте пиньяо (Шаньси) из секретного языка, так называемого *цзецзяоци*, развился особый способ словообразования, при котором любое ОС путем инфиксации может быть преобразовано в ПС. Например, *каҗ* «шест» → *клʷлаҗ*, где мы имеем типичное ПС с инфиксом -лʷ²⁶, пресиллабом *клʷ*- и сильным слогом *лаҗ*. В ряде случаев новые образования почти вытеснили из употребления исходные ОС. Подобные же способы словообразования являются обычными в провинции Шэньси и Внутренней Монголии²⁷. Назначение такой деривации неизвестно. Но в любом случае она представляет собой любопытнейший для фонологии слоговых языков факт.

¹ Jenner Ph. N., Pou S. A lexicon of Khmer morphology // MKS 9–10. 1982 for 1980–81. P. 31.

² Приведем пример такого семантического запрета. Теоретически от слова *теҗ* «рыба» с помощью рассматриваемого инфикса можно образовать ПС *d-ɔm-teҗ*, однако, такое слово уже существует и имеет значение «слон» — никак не связанное с рыбой.

³ Из отзыва о диссертационной работе: *Крылов Ю. Ю.* Вопросы фонологии монского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

⁴ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 56.

⁵ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 59–60.

⁶ Jacob J. M. Introduction to Cambodian. London, 1968. P. 183.

⁷ Лонг Сеам. Очерки по лексикологии кхмерского языка. М., 1975. С. 44.

⁸ Лонг Сеам. Очерки по лексикологии кхмерского языка. М., 1975. С. 40.

⁹ Jenner Ph. N., Pou S. A lexicon of Khmer morphology // MKS 9–10. 1982 for 1980–81. P. 51.

¹⁰ Huffman F. E. An outline of Cambodian grammar. Ithaca, 1967. P. 100.

¹¹ Huffman F. E. et al. Modern spoken Cambodian. New Haven — London, 1970. P. 315.

¹² Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977. С. 34.

¹³ Еловков Д. И. Структура кхмерского языка: Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб., 2006. С. 38.

¹⁴ Точнее, -*мн*-.

¹⁵ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 59–60.

¹⁶ Касевич В. Б. Труды по языкознанию. Т. 1. СПб., 2006. С. 294–295.

¹⁷ Jenner Ph. N., Pou S. A lexicon of Khmer morphology // MKS 9–10. 1982 for 1980–81. P. 22.

¹⁸ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 174.

¹⁹ Еловков Д. И. Морфонология кхмерского языка // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. Вып. 23. С. 74.

²⁰ Huffman F. E. An outline of Cambodian grammar. Ithaca, 1967. P. 53–55; Huffman F. E. et al. Modern spoken Cambodian. New Haven — London, 1970. P. 315–316.

²¹ Еловков Д. И. Структура кхмерского языка: Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб., 2006. С. 41.

²² Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 59.

²³ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 174.

²⁴ Горгожиев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966. С. 174, 176. Следует отметить, что общепринятого определения инфикса, похоже, не существует. Е. С. Кубрякова и Ю. Г. Панкрац инфиксами считают аффиксы, «помещаемые в середину корня» (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 59). О. С. Ахманова определяет инфикс как «аффикс, вставляемый *внутрь основы*» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. С. 182). В. А. Плунгян выражается менее категорично: «Инфиксом называется аффикс, вставляемый *внутрь другой (как правило, корневой) морфемы*»

(Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2003. С. 91). Еще менее конкретно определяет инфикс Ж. Марузо — как «аффикс, вставляемый *внутри слова, иногда даже в самый корень*» (Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960. С. 125). Применительно к кхмерскому, очевидно, следует признать, что позиция инфикса определяется фонологической структурой инициали ОС независимо от его морфологической структуры.

²⁵ Еловков Д. И. Структура кхмерского языка: Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб., 2006. С. 39.

²⁶ Или, возможно, просто -l- с эпентезой [л] и ГС, замыкающей открытый слог с кратким гласным? Для окончательного решения требуется дополнительная информация.

²⁷ Ho Dah-an. The characteristics of Mandarin dialects // Eds. by G. Thurgood, R. J. LaPolla. The Sino-Tibetan languages. London & New York, 2003. P. 129.